

В БОРЬБЕ С РЕАКЦИЕЙ

Некрасову не раз приходилось выслушивать негодующие речи из уст людей, еще недавно как будто сочувствовавших радикальному направлению "Современника". Теперь им стало казаться, что журнал зашел слишком далеко, что его редактор неосторожен и вот-вот навлечет на себя новые гонения со стороны властей. Мемуаристы рассказывают об острых столкновениях по этому поводу; одно из них произошло между Некрасовым и Егором Петровичем Ковалевским, недовольным "крайностями" некрасовского журнала. Однажды во время такого спора Ковалевский, внушительно потряхивая генеральскими эполетами, упрекнул Некрасова в мальчишестве и заявил, что нельзя компрометировать журнал в глазах "серьезных людей". Некрасов рассердился и свою гневную отповедь Ковалевскому закончил так: - Лучше быть последним между молодыми, чем первым среди старья! Эта твердость позиции характерна для Некрасова. Окруженный непрошеными советчиками, сомнительными доброжелателями и откровенными противниками, он умел отстоять свои взгляды, сохранить прежнюю репутацию журнала, именно ту, которой он дорожил. Он оставался верен себе, хотя с каждым годом это становилось все труднее.

Правительство вело открыто реакционную политику, пресекая всякие проявления недовольства. В 1863 году силой оружия было жестоко подавлено польское восстание. Продолжались аресты и ссылки. Некрасов по-своему откликнулся на эти события. В стихотворении "Благодарение господу богу..." он описал "проторенную цепями" дорогу, на которой перед путником возникают тени погибших людей - "бледные тени! ужасные тени!". "Едем мы, братец, в крови по колени!" - говорит путник своему кучеру. В этом стихотворении справедливо видят попытку изобразить время массовых репрессий против революционеров:

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тесной телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...
Подле лица - молодого, прекрасного -
С саблей усач...

Вскоре он написал взволнованные стихи, создав образ революционера, который "умел рассудку страсти подчинять", учил "жить для славы, для свободы", отвергал сознательно "мирские наслаждения", иными словами, готовил себя к суровым испытаниям во имя освобождения родины; ей отдал он "свои труды, надежды, помышленья". Это стихотворение появилось в "Современнике" в конце 1864 года, в трехлетнюю годовщину со дня смерти Добролюбова, но без его имени в заглавии; затем оно печаталось под названием "Памяти Добролюбова".

Однако позднее сам Некрасов указал, что он не стремился нарисовать портрет одного человека. В специальном примечании он писал: "Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов". Очевидно, что речь шла об идеале революционного деятеля.

Немного раньше (до мая 1864 года) Некрасов написал стихи еще об одной дороге, которая также вызвала в его воображении тени погибших; на этот раз тени замученных непосильным трудом строителей Николаевской железной дороги, соединившей Петербург с Москвой.

"Железная дорога" - одно из самых сильных гражданских стихотворений Некрасова. Сила его в правде, в трезвой мысли, в незабываемой яркости картин каторжного труда и ужасающих условий жизни вчерашних крепостных, строящих первую железную дорогу:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,

Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...

Об этом стихотворении Некрасова известный историк М. Н. Покровский писал, что здесь "в каких-нибудь двух сотнях изумительно сильных строк" дано все общество того времени - от пролетариев, согнанных "с Волхова, с матушки Волги, с Оки, с разных концов государства великого", до "толстого, присадистого, красного, как медь", подрядчика, не минуя промежуточного слоя, "грамотея-десятника" {Цит. по кн.: "Пролетарские писатели - Некрасову". Л. -М., 1928, стр. 13.}.

Стихотворению предпослан эпитафия, в котором папаша-генерал сообщает сыну, что дорогу строил граф Петр Андреевич Клейнмихель, управлявший ведомством путей сообщения при Николае I. Этот эпитафия насыщен сарказмом и ненавистью, а все стихотворение - страстное опровержение слов генерала. Воображаемый разговор с мальчиком позволяет Некрасову выразить это с большой силой. Бегущие за окном тени погибших - истинных строителей дороги - требуют отмщения и восстановления поруганной справедливости. Это они, безымянные страдальцы, "к жизни воззав эти дебри бесплодные, гроб обрели здесь себе". Художественная выразительность стихотворения достигает предела, когда в монолог врываются голоса замученных непосильным трудом людей. В монотонности их жалоб - весь ужас ночного кошмара и не менее страшной реальности. Но труд их велик и благороден. Потому-то поэт и внушает своему собеседнику, как бы олицетворяющему все молодое поколение:

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Великое уважение к мужику, вера в его силы породили мысль о светлом будущем, проникшую даже в такое мрачное стихотворение, как "Железная дорога". Поэт создал поистине пророческие строки о народе, который "вынесет все, что господь ни пошлет":

Вынесет все - и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...

Противоположные, непримиримые взгляды сталкиваются в этом стихотворении: для генерала народ - "варвары", "дикое скопище пьяниц"; для автора-рассказчика народ - создатель величайших духовных и материальных ценностей. Некрасов не напрасно упоминает здесь о Ватикане, о Колизее, о соборе св. Стефана в Вене: с его точки зрения, именно "народ сотворил" исторические памятники. Уже одна эта мысль делала стихи неприемлемыми для цензуры. И не удивительно, что их резкая социальная заостренность вызвала раздражение в высших кругах. Запрещая стихи к печати в 1864 году, цензурный комитет отметил как причину запрета, что в стихах нарисована "картина мучений, испытываемых рабочим людом при постройке железных дорог". Тем не менее в 1865 году стихотворение было напечатано в "Современнике". Как же это случилось? Дело в том, что Некрасов воспользовался новым законом о печати, вступившим в силу как раз в это время. Закон освобождал журналы от предварительной цензуры, но зато предоставлял право властям объявлять им "предостережения". После третьего предостережения журнал подлежал закрытию.

Так было и на этот раз. Журнал постоянно критиковали за "вредное направление", его обвиняли в "коммунистических тенденциях", "социальном демократизме", попытках оскорбления должностных лиц, то есть цензоров. Наконец осенью 1865 года было объявлено первое предупреждение, а в декабре последовало второе. Главным поводом для него послужила "Железная дорога". Не помогло и то, что под стихами автор выставил дату 1855, пытаясь создать впечатление, будто они относятся к временам Николая I, когда строилась дорога.

После выхода октябрьской книжки "Современника" в цензурных кругах начался очередной переполох. Один из видных чиновников представил доклад, в котором о "Железной

дороге" говорилось: "Нельзя без содрогания читать эту страшную клевету на первое благотворительное предприятие нашего правительства к усовершенствованию на западный образец наших путей сообщения, клевету, изложенную в весьма звучных стихах..." На основе этого доклада и было вынесено второе предостережение, в котором от имени министра внутренних дел П. А. Валуева сообщалось: в связи с тем, что в стихах Некрасова "сооружение Николаевской железной дороги изображено как результат притеснения народа и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, министр внутренних дел... согласно заключению совета Главного управления по делам печати определил: "Объявить второе предостережение журналу "Современник" в лице издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова, и редактора, состоящего в чине VIII класса Александра Пыпина".

Теперь журналу оставалось ждать третьего, и последнего, предупреждения.

* * *

Еще в 1863 году произошли перемены в личной жизни Некрасова. Его все усложнявшиеся отношения с Авдотьей Яковлевной Панаевой наконец завершились полным разрывом. Что предшествовало такому решению, мы не знаем. Известно только, что примерно в середине года Авдотья Яковлевна покинула некрасовско-панаевскую квартиру на Литейном; вскоре она вышла замуж за А. Ф. Головачева {Дочь Панаевой от этого брака - Евдокия Аполлоновна Нагородская (1866-1930) стала довольно известной писательницей.}, скромного литератора, долго работавшего секретарем редакции "Современника", печатавшего там статьи и рецензии. Сама Авдотья Яковлевна продолжала изредка помещать в журнале свои рассказы и повести.

В мае 1864 года Некрасов собрался во вторую заграничную поездку; хотя она продолжалась около трех месяцев, сведений о ней почти не сохранилось, даже письма этого времени до нас не дошли. Жил Некрасов главным образом в Париже вместе со своими спутницами - сестрой Анной Алексеевной и француженкой Селиной Лефрен, с которой он познакомился еще в Петербурге. Это была актриса французской труппы, выступавшей в Михайловском театре, который посещала преимущественно столичная знать. Селина отличалась живым нравом, легким характером; по воспоминаниям сводной сестры Некрасова Лизы {Елизавета Алексеевна Некрасова, по второму мужу - Рюмлинг (умерла в 1935 году в Ленинграде), дочь Алексея Сергеевича Некрасова и грешневской крестьянки Федосьи Полетаевой. В первый раз она вышла замуж в 1868 году (с ведома и согласия брата) за молодого композитора и скрипача Льва Александровича Фохта. Позднее, в начале 70-х годов, Фохт написал и напечатал несколько романсов на стихи Некрасова ("Еду ли ночью...", "Прости, не помни дней паденья...") и, по словам Лизы, заслужил его одобрение. Некрасов помогал сестре не только в юности, но и после замужества, в частности, он дал денег на покупку рояля для ее мужа, когда тот кончил консерваторию.}, она не была очень красива, но одевалась с большим вкусом, любила музыку, хорошо пела и играла на фортепиано, что очень нравилось Некрасову. Он любил слушать ее пение, когда она в квартире на Литейном под собственный аккомпанемент исполняла французские арии и романсы. Лиза, которая тогда была подростком (она воспитывалась на средства брата и временами жила у него), запомнила, что Некрасову особенно нравился "чувствительный романс", называвшийся "В двадцать лет" ("A vingt ans"). Он всегда просил его повторить.

В 1866 году Селина часть лета прожила в Карабихе. Весной следующего года она отправилась за границу, как и в прошлый раз, вместе с Некрасовым и его сестрой. В Россию она больше не возвращалась, но это не прервало их отношений; в 1869 году они встретились в Париже и весь август провели на морских купаньях в Диеппе. Некрасов остался доволен этой поездкой. "Купанье в море мне решительно полезно, я здоров и недурно себя чувствую вообще, - писал он сестре. - Надо тебе сказать, что здесь постоянный ветер и холод, но это не беда - в море так и тянет человека; решительно это купанье - занятие богов!" (4 августа 1869 года). Ей же через неделю: "Я здоров: море - это благодетель слабонервных и хандрящих. Здесь сначала было постоянно холодно и ветрено, а теперь жара - море тихое и ласковое" (13 августа 1869 года). Таких безмятежно проведенных дней немного было в жизни Некрасова. Когда же еще он чувствовал себя вполне здоровым, спокойным и как будто даже счастливым? Конечно, немалую роль сыграло здесь, кроме ласкового моря, также и присутствие женщины, которая

была ему по душе. В письмах к сестре, с которой сдержанный Некрасов был откровенен как ни с кем, он говорил о своем чувстве, ругал себя "за свою глупость" и даже сделал такое признание: "Я привык заставлять себя поступать по разуму, очень люблю свободу - всякую и в том числе сердечную, да горе в том, что по натуре я злосчастный Сердечкин" (13 августа 1869 года). В другом письме из Парижа, накануне отъезда в Россию, он прибавил: "Так как мне в это время было иногда и хорошо, то, значит, жаловаться не на что" (19 августа 1869 года).

Что же касается Селины, то ее отношение к нему было ровным, чуть суховатым и отнюдь не столь корыстным, как это иногда изображалось в мемуарной литературе. В ее письмах, писанных на русском языке, можно обнаружить выражение чувств, какие не покупаются за деньги {Это отметил некрасовед А. В. Суслов в книге "Карабиха". М., 1952. Письма С. Лефрен не опубликованы (хранятся в ЦГАЛИ)}. Вот несколько строк одного из писем. "Мой друг, - писала она Некрасову из Парижа, - я бы хотела тебе быть приятной и полезной, но что я могу сделать для этого? Не забудь, что я всё твоя. И если когда-нибудь случится, что я смогу тебе быть полезной в Париже... не забудь, что я буду очень, очень рада..." В другом письме: "Я понимаю здесь, как все пусто кругом и что необходимо" на свете иметь настоящего друга..." Некрасов долго не забывал Селину, помогал ей, а в предсмертном завещании назначил ей десять с половиной тысяч рублей. Письма его к Селине не сохранились.

Вернемся теперь к 1864 году. В середине августа Некрасов приехал в Карабиху прямо из-за границы. Как и в прошлое возвращение на родину (1857), он был вновь пленен милой его сердцу русской природой:

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом.
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

Но другое стихотворение, написанное под свежим впечатлением от встречи с родиной, - "Возвращение" - уже носило отпечаток мрачных раздумий, быстро вытеснивших первые радостные и светлые ощущения. "И здесь душа унынием объята. Неласков был мне родины привет..." К поэту вернулось прежнее чувство боли и стыда за свою оторванность от борьбы, ему показалось, что родина к нему неласкова и готова отвернуться от сына:

Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Видя новый разгул политической реакции, тяжело переживая ссылку Чернышевского, отправленного в Сибирь этим летом (20 мая), Некрасов снова произнес суровый приговор самому себе. Донесшаяся издали тоскливая и горькая крестьянская песня опять вернула его к покаянному настроению:

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать.
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой - и отступило вспять!

Но впереди ему предстояла именно борьба, тяжелая борьба за свой журнал и за свои стихи - главное оружие поэта.

Отмена предварительной цензуры изображалась как благодетельное мероприятие правительства, однако она не могла облегчить положение журнала и жизнь его редактора. Теперь он был связан по рукам и ногам ожиданием очередного предупреждения или должен был идти на прямой риск, как это было в случае с "Железной дорогой".

Однажды к Некрасову заехал его приятель по охоте генерал Вениамин Иванович Асташев. Не застав поэта дома, он оставил шутовскую записку в стихах, которая начиналась так:

Зачем гибнешь душою и телом
За проклятым зеленым столом?
Позанялся бы лучше ты делом!
Поработал бы лучше пером!

Затем следовало стихотворное же приглашение поехать на охоту. На другой же день Некрасов отправил с верно служившим ему Василием Матвеевым письмо такого содержания:

Посылаю поклон Веньямину.
На письмо твое должен сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Как изволите вы полагать.
Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, -
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи!
Побежал бы, как школьник из класса,
Я к тебе, позабывши журнал,
Но не знаю свободного часа
С той поры, как свободу узнал!..

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно так спали,
На охоте бывать успевали
И немало в картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолела пииту забота,
Позабыл я, что значит игра,
Позабыл я, - что значит охота, -
Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит;
Если слово обронишь некстати!

Стихи шуточные, не предназначенные для печати, но предмет их вполне серьезен. Журнал был поставлен в очень трудное положение. Угроза запрещения нависла над ним вполне реально, как в самые мрачные николаевские времена. Некрасов принялся высмеивать последние "законы о печати" и даже распоряжение министра:

Все пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!

Так писал он в стихотворении "Публика", оно вошло в цикл "Песни о свободном слове", напечатанный в начале 1866 года ("Современник", №3). Весь этот цикл явился ответом на так называемые цензурные реформы. Начиная с заглавия, "песни" пропитаны язвительной иронией, хотя автор всячески стремился придать им внешне безобидный характер. Героев этих "песен" много. Вот рассыльный Минай, изображенный и в других некрасовских стихах: Минай, который всю жизнь носил журнальные корректуры к цензорам, теперь без колебаний заявляет:

- Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать...

Вот наборщики, всегда изнемогавшие над правкой корректур, исковерканных цензурой:

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов

И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов...

Теперь они надеются на облегчение своего труда, поскольку "свобода слова нежданно пришла" и цензор уже не будет портить набор. Хор наборщиков завершает эту "песню":

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!

Эти водевильные "ла-ла" делают свое дело - они усиливают и без того игривую тональность куплета, подчеркивая скрытую в нем насмешку. Вот поэт, замученный цензурой, вспоминает, как коротка была жизнь его песен - они существовали только "от типографского станка до цензорской квартиры". Но сам собою возникает вопрос: разве теперь будет лучше? Вот три литератора, они заспорили о тех же новых правилах:

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
"Теперь пойдут иные речи!" -
Заметил весело один.
"Теперь нас ждут простор и слава!" -
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!

Так с неистощимой изобретательностью Некрасов с разных сторон подвергал осмеянию новую цензурную политику правительства, а заодно и журналы, что усердно расхваливали эту политику ("Теперь нас ждут простор и слава!" - таков был общий тон либеральной печати). Последовательно и как будто вовсе не заботясь, чем это кончится, он нападал на официальные решения и даже не задумался упомянуть в сатирических стихах самого министра, от которого недавно получил второе предупреждение. "Что ж это смотрит Валуев, как этот автор терпим?" - восклицал он от имени ретроградов, негодующих по поводу "терпимости" правительства к непослушным журналам.

* * *

Вся деятельность Некрасова середины 60-х годов показывает, что в это время он испытывал новый прилив жизненной и творческой энергии. Он чувствовал себя здоровым и окрепшим. Л. Ф. Пантелеев рассказывает: однажды он сидел у Елисеева, "вдруг входит Некрасов; он только что вернулся из-за границы, выглядел бодро, да и сам говорил, что чувствует себя отлично". Он опять много работает, пишет стихи, ездит на охоту, причем не только летом в деревне, но и в зимние месяцы, живя в столице. В ноябре 1864 года он четыре дня охотился в Новгородской губернии. В начале марта следующего года была большая охота на крупного зверя, и тут ему сопутствовала удача: он уложил трех медведей "росту изрядного", весом в десять и восемь пудов {Это была не первая удача на медвежьей охоте; двумя годами раньше Некрасов сообщил брату Федору: "Я был на охоте четыре дня, убил медведицу и двух медведей, в коих до 40 пудов весу" (31 декабря 1862 года).}.

Вернувшись, Некрасов решил пожертвовать свою добычу для зоологического кабинета Медико-хирургической академии. Он написал доктору С. П. Боткину (с которым был знаком через Василия Петровича Боткина) письмо следующего содержания: "Я слышал, что в Медицинской академии нет медведя. Третьего дня я убил трех медведей, они у меня в сарае. Я готов одного любого подарить академии, если ей нужно... Не возьмете ли на себя, глубокоуважаемый Сергей Петрович, уведомить академию..." (9 марта 1865 года).

Надо ли говорить, что предложение было с благодарностью принято, о чем на другой же день Некрасову сообщил президент академии. Других же трофейных медведей охотник оставил себе.

О некрасовской квартире на Литейном, в которой побывали все русские писатели того времени, сохранилось множество воспоминаний современников. В один голос они говорят, что ее обстановка полностью соответствовала наклонностям хозяина. Войдя в квартиру, трудно было догадаться, что здесь живет литератор. "Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел; во всех комнатах стояли огромные шкапы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки", - вспоминал А. М. Скабичевский. Па шкафах стояли чучела птиц и зверей. А в большой комнате, между окнами, стояла опираясь на дубину, громадная медведица с двумя медвежатами; провожая гостей, хозяин с гордостью указывал на нее как на трофей, добытый в одном из самых рискованных охотничьих предприятий.

Охота на медведя не была случайностью в жизни Некрасова. Он был хорошо подготовлен к ней как человек, с детства привыкший к трудностям, к испытаниям разного рода, выработавший в себе отличную выдержку умение владеть собой. - Хуже трусости ничего быть не может! Как только человек струсил, он погиб, способен на всякую гадость, сейчас же превращается в зверя, - так говорил Некрасов одному из своих знакомых, подразумевая, конечно, отнюдь не только поведение на охоте.

Многие современники, хорошо знавшие Некрасова, ощущали в его охотничьих наклонностях одну из примет русского национального характера. По мнению писателя П. Д. Боборыкина, он сохранил в себе - даже в своей наружности, в лице, в манере говорить - признаки северорусского народного типа, сложившегося в приволжском крае; и притом, по словам того же писателя, он отнюдь не грешил никаким народничаньем ни в костюме, ни в тоне, ни в образе жизни. "Лучшие его портреты показывают этот типический склад лица и фигуры, какой вы встретите в наших волжских местностях".

Тот же мемуарист добавляет, что натура у него была действительно железная, предельно выносливая и в умственном труде, и в разных физических упражнениях. "Никто бы, взглянув на него иной раз за три, за четыре года до смерти, в пасмурный петербургский день, когда он весь гнулся и морщился, никто... не поверил бы, что этот человек мог в тот же день отправиться на охоту и пробыть десять-двенадцать часов сряду под дождем и снегом. Болезни, нездоровые привычки петербургской жизни, сидение за корректурами... долгие годы бедности, почти нищеты, томительного пробивания себе дороги - все это превратило бы другого человека в дряхлого старика в те годы, когда я знал Некрасова; а он смотрел совсем не старым человеком, и только один голос, давно получивший некоторую хрипловатость, показывал, что свежесть молодости утрачена" {Цит. по кн.: "Некрасов в воспоминаниях современников". М., 1971, стр. 252.}.

Литературная, журнальная борьба была подлинной стихией Некрасова. Правда, ему порой казалось, что эта деятельность ограничивает его возможности как поэта. В одном из поздних стихотворений, горько сетуя, что он будто бы недостаточно послужил "великим целям века", Некрасов заявил: "Мне борьба мешала быть поэтом, песни мне мешали быть бойцом". Можно понять эти слова так: необходимость упорной борьбы с реакционной политикой властей, с цензурой, с либеральной и ретроградной печатью мало оставляла ему сил и времени для творчества, для поэзии; с другой стороны, призвание поэта мешало ему стать в ряды прямых борцов за свободу народа (этот мотив не раз встречается в некрасовской лирике).

Возможно, именно так он и думал. Но теперь, когда миновало столетие, стало вполне ясно, что борьба не мешала, а помогала ему быть поэтом - настолько, что без этой титанической борьбы просто не было бы Некрасова, каким мы его знаем. С другой стороны, "песни" не отвлекали его от борьбы, а служили главным и лучшим ее проявлением.

Так было и в середине 60-х годов, когда усиление политической реакции, необходимость отстаивать журнал и чистоту его направления призывали некрасовскую музу к самой активной деятельности. Две главные линии, наиболее отвечавшие задачам времени, преобладали тогда

в его творчестве. Одна из них - народная, крестьянская, прочно и навсегда вошла в некрасовскую поэзию. В это время написаны "Песни", сюжеты которых, взятые из гущи крестьянского быта, обработаны в духе фольклора. Это песни о недоступной счастливой жизни ("У людей-то в дому - чистота, лепота..."), о безысходной бедности ("Молодые"); это искусно построенный на народных поговорках и прибаутках веселый диалог "Сват и жених". И наиболее значительная среди этих песен - "Катерина".

Здесь намечен сильный характер женщины, не желающей покориться семейному деспотизму. По справедливому мнению исследователей, замысел песни острополюемичен - он родился из стремления опровергнуть славянофильскую проповедь долготерпения, будто бы присущего крестьянству. Еще Чернышевский выступил против журнала "Русская беседа", где в статье публициста Т. Филиппова прославлялись слова народной песни: "Потерпи, сестрица, потерпи, родная!" Несомненно, ту же песню Некрасов подверг ироническому осмеянию в своем стихотворении, где трижды, как рефрен, повторен совет "потерпеть":

"Потерпи, сестрица! - отвечает брат: -
Милого побои не долго болят!"

Героиня стихотворения всем своим обликом и поведением противостоит той рабской морали, какую насаждала "Русская беседа", опираясь на некоторые мотивы фольклора, отразившие домостроевский дух, бесправие женщины, ее тупую покорность мужчине.

"Катерина" - одно из тех некрасовских стихотворений, в которых любовь людей из народа предстает - в соответствии с мировоззрением революционного просветительства - как свободное чувство равных между собою людей. Но почему стихотворение названо именно этим женским именем? Ведь в тексте оно не фигурирует, и героиня могла бы носить любое другое имя, а могла бы и не иметь его вовсе. По этому поводу высказана любопытная догадка: возможно, что заглавие стихотворения навеяно статьей Добролюбова о "Грозе" Островского. После этой статьи, содержащей страстную защиту права женщины на свободу чувства, имя Катерины прочно ассоциировалось с типом новой женщины из народа, "лучом света в темном царстве" {Б. Я. Бухштаб, К истории стихотворения Н. А. Некрасова "Катерина". "Некрасовский сборник", т. 1. М. -Л., 1951, стр. 99.}. Образы таких женщин, сильных и гордых, несмотря на свою тяжкую долю, все чаще появляются в поэзии Некрасова 60-х годов. Но главной данью крестьянской теме была начатая в эти годы работа над поэмой "Кому на Руси жить хорошо". В январском номере "Современника" 1866 года появился "Пролог" к поэме, в котором были уже намечены и первые ее персонажи - "семь временно обязанных" мужиков Подтянутой губернии - и основные черты грандиозного идейно-художественного замысла, вместившего в себя весь опыт, накопленный к тому времени Некрасовым - поэтом и гражданином.

Что же касается второй отчетливо выраженной линии некрасовского творчества - сатиры, то ее бурный расцвет в 60-е годы также был подготовлен всем предыдущим развитием "музы мести и печали". Начиная с самых ранних стихов, Некрасов постоянно тяготел к сатирическому изображению действительности. Насмешка, ирония, сарказм были заложены в самой природе его таланта.

В 60-е годы он разрабатывает новые сатирические жанры, создает цикл стихотворных очерков, начатый еще в конце 50-х годов ("О погоде"), пишет сатирические поэмы-обозрения, задумывает обширную серию "клубных" сатир. Все эти сочинения, вместе взятые, представляют собой явление единственное и неповторимое в русской литературе. Их можно поставить рядом только с сатирической прозой Щедрина, великого обличителя правящих классов, язв и пороков старого общества.

Еще в монологе, озаглавленном "Из автобиографии генерал-лейтенанта Ф. И. Рудометова 2-го...", Некрасов заклеил тип чиновника-мракобеса, поставленного руководить печатью и литературой. В этом персонаже справедливо видят черты некоторых тогдашних деятелей - адмирала Путятина, который возглавлял народное просвещение и пытался ввести казарменные порядки в учебных заведениях; черты Муравьева (по прозвищу "Вешатель"), с мая 1863 года управляющего Северо-Западным краем и жестоко подавившего польское восстание; к Муравьеву в некрасовском памфлете можно отнести такие строки:

... Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз "Блюда и усмирай!"
Я оправдал на славу...

Некрасов первый выдвинул эту чисто щедринскую формулу - девиз карателей и охранителей того времени "Блюда и усмирай!". Разумеется, она относилась не только к Муравьеву. В образе генерала Рудометова создан обобщенный портрет гонителя просвещения, литературы, печати. Особенно отличился он в роли "начальника цензуры". Здесь автор с удовольствием дает слово ему самому - для рассказа о том, как он "порядок водворял" среди журналистов и ненавистных ему писателей:

... Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Все были либералы),
Лицеям, школам запретил
Выписывать журналы.

"Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою - и крепость!" -

Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!

В слове "крепость", видимо, заключен каламбур - намек на Петропавловскую крепость, куда сажали революционеров, неблагонадежных литераторов. Угроза, содержащаяся в этих словах, как будто превышает полномочия "начальника цензуры"; отсюда видно, что, обличая этого последнего, сатирик метил гораздо выше. Что же касается гибнущих книг, то этой теме Некрасов посвятил отдельное стихотворение "Пропала книга!", где выразил боль и негодование по поводу уничтожения (по приговору суда) смелой и честной книги; он восклицал:

И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

Однако самый сильный удар по своему исконному врагу Некрасов нанес в сатире "Газетная". Это была первая из цикла "клубных" сатир, увидевшая свет. Некрасов успел воспользоваться новыми правилами о печати и опубликовал ее в первой же книжке журнала, освобожденной от предварительной цензуры (1865, № 8).

В газетной комнате Английского клуба сидят постоянно два человека. Один из них - крепостник-помещик, который пишет в клубе приказы своему старосте ("Чтобы дома не тратить свечей") и в этих приказах внушает ему, что "лекарство для крестьянина лучшее - плеть...". Другой - отставной цензор николаевских времен; по привычке и до инерции, с карандашом в руках он продолжает искать "крамолу" в газетах и приходит в ужас, читая новые журналы. Поистине страшны и вид его, и все замашки:

... выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: "Шалишь!"
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь...

Бывший цензор работал когда-то по призванию, не за страх, а за совесть, и потому гордится своим прошлым. В то же время этот бескорыстный гонитель мысли, которого

собственный сын считает "палачом", убежден, что он берег интересы писателей, не лишил их платы за труд (то есть не все вычеркивал):

Оставляя я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: "Равнодушно
Губернатора встретил народ",
Исключу я три буквы: "ра-душно".
Выйдет... что же? три буквы не в счет!
... Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!

Наконец-то Некрасову удалось хоть слегка отвести душу; не пожалев ядовитого сарказма, он отплатил цензуре за все горести и волнения. И недаром один из чиновников цензурного ведомства тогда же отметил, что Некрасов изобразил "в крайне оскорбительном виде существующее, следовательно, охраняемое силою закона звание цензора".

Официальных взысканий именно за это стихотворение не последовало: прямой выпад против цензуры предпочли "не заметить" (что не помешало властям вскоре свести счеты с журналом). Однако Некрасов, перепечатывая свою сатиру в позднейших сборниках, должен был сделать к ней специальное "нейтрализующее" примечание: "Само собой разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире, - вымышленное и, так сказать, исключительное в ряду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 года в своих руках судьбы русской прессы".

Такое разъяснение, как ни странно, удовлетворило "блюстителей порядка"; а читатели привыкли понимать иронию и разгадывать подтекст. В сатире "Газетная" Некрасов не забыл сказать и об атмосфере Английского клуба; искусно связав ее с настроениями петербургского общества, он указал на ту пропасть, которая отделяла его самого от клубных завсегдатаев: "Слыхивал я здесь такие сужденья и споры... Поневоле поникнешь лицом и потупишь смущенные взоры..."

В стенах клуба возникали какие-то разговоры об "отрицательном" направлении его поэзии, кто-то пенял на слишком мрачное настроение некрасовской музыки. На это поэт отвечал прямо и недвусмысленно: "Коли нам так писалось и пишется, - значит, есть и причина тому!"

В споре он отстаивал твердую позицию, заявляя, что не может переделать "грустный напев" своих песен:

Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.

Эти слова - декларация поэта-гражданина - появились в сатирической поэме, обличающей николаевскую цензуру. В этом сочетании лиризма с пламенной гражданственностью - яркая особенность некрасовской музыки. Всегда оставаясь и борцом и поэтом, Некрасов умел одинаково страстно ненавидеть и любить, проклинать и прославлять. Как никто другой, он умел гармонически соединить в пределах одного произведения, казалось бы, несовместимое: лирику и сатиру. Касаясь самых разных тем и вопросов, свободно переходя от памфлетного разоблачения к высокой патетике, от разговорных интонаций к приемам стихотворного фельетона, он создал новый тип сатирической поэмы, какого еще не было в русской литературе.

Некрасовское мастерство сатирических разоблачений, искусство сталкивать противоположные жизненные пласты и воплощать социальные контрасты с большой силой сказались и в сатирической поэме "Балет".

Из самого текста поэмы можно заключить, что поэт вместе со своей Музой побывал на "бенефисном спектакле" в Мариинском театре;

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.

Среди роскошной публики, заполняющей театральный зал, в "бриллиантовом ряду" он без труда обнаружил "предмет для сатиры"; перед ним предстали блестящие генералы и "статские тузы", накрахмаленные денди и молодящиеся старцы, "записной поставщик фельетонов, офицеры гвардейских полков и безличная сволочь салонов".

Наблюдения в театральном зале позволили нарисовать картину нравов столичного общества. От "бестрепетного взгляда" сатирика не укрылись некоторые новые явления в этом обществе - оскудение аристократии ("прожилась за границею знать..."), вынужденной потесниться перед новыми "хозяевами жизни"; Некрасов видел, что приближается время торжества буржуазных дельцов, банкиров, спекулянтов, наступает век чистогана. И публика в театре уже не та, что прежде. Новые веяния ощутимы и в ложах и в бельэтаже. Одни щеголяют теперь в чужих или заложенных драгоценностях и ведут светскую жизнь на долги, другие же...

Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены -
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!

Обозрев зал, сатирик обращает свой взор на сцену. В этот день - 31 января 1865 года - был бенефис балерины М. Петипа. Публика встречала ее овациями. Об этом спектакле писала тогдашняя печать, утверждая, что балерина "особенно наэлектризовала" публику, явившись в костюме "мужичка" - в плисовых шароварах, в красной рубашке, в сапожках и ямщицкой шапочке набекрень. Театральный журнал того времени сообщал, что "мужичок" так понравился зрителям, что от криков "браво" можно было оглохнуть. "Все слилось в оглушительном "браво", - сказано и у Некрасова.

Осталась недовольна только его Муза: "Но молчишь ты, скучна и угрюма... Что ж ты думаешь, Муза моя?" А думала она вот что:

Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты "Деву Дуная",
И в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевел, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно...

Так в поэме совершился переход от сатирических обличений блестящего столичного общества к картине горестной жизни народа. Памфлет внезапно сменился драмой. Залитый светом зал уступил место унылой равнине, где воеет метель, где сквозь снежную мглу и туман пробирается крестьянский обоз - мужики, сдавшие рекрутов, возвращаются по своим деревням. Хватает за душу это жуткое зрелище морозной, заснеженной пустыни и осиротевших крестьян, лишившихся сыновей:

Стонет белое снежное море...
Тяжело ты - крестьянское горе!

В сатире "Балет" Некрасов вернулся к постоянно волновавшей его теме - бесчеловечности рекрутчины: он видел в ней одно из главных бедствий, издавна тяготеющих над русским крестьянством.

Сатирические поэмы этих лет показали, что, несмотря на натиск реакции, поэт не только не сдался, но в труднейших условиях неутомимо продолжал борьбу.